
Е. Л. Конявская
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КУСКОВ —
УЧЕНЫЙ И УЧИТЕЛЬ

Исполнился год со дня смерти Владимира Владимировича Кускова, одного из крупнейших специалистов в области древнерусской литературы, доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета, академика Академии славянских культур.

Его имя известно всем филологам — вне зависимости от специализации, ибо он — автор учебника, по которому изучали и изучают древнерусскую литературу несколько поколений студентов-филологов. Учебник¹ с 1962 (тогда это был еще «Курс лекций») по 1998 г. выдержал 6 изданий, каждое из которых представляло собой его новую редакцию, где уточнялись определения, принципиальные подходы к основным категориям литературы Древней Руси, конкретизировалась периодизация древнерусской литературы, обновлялась библиография. Так, например, в 4—м из-

¹ За учебник В. В. Кускову была присуждена Ломоносовская премия I степени.

дании (1982 г.) по сравнению с 3—м (1977 г.) дописан параграф о «Житии Феодосия Печерского», 4 параграфа переписаны заново, многое уточнено, добавлено.

В Предисловии к 6—му изданию Владимир Владимирович скромно написал: «По сравнению с пятым изданием в текст внесены незначительные изменения», — в то время как им был написан и включен в учебник обширный раздел «Философские основания древнерусской литературы», знакомящий студентов с основами христианского вероучения.

Энциклопедизмом и глубиной оценок отличается в учебнике обзор основных этапов изучения древнерусской литературы. Впрочем, энциклопедизм, основательность знаний — отличительная черта В. В. Кускова. Он был не из тех, кто не придает особого значения тому, что написано до него. Владимир Владимирович внимательно следил за научными публикациями коллег, предшественников, изучал дореволюционную научную традицию. У него существовало непреложное правило: прежде, чем высказаться по какому-либо вопросу, глубоко его изучить. Природа такой установки многопланова: аккуратность — как свойство характера, уважение к чужому мнению (и человеку вообще) — как черта личности и, наконец, категорическое неприятие верхоглядства — как принцип ученого. Он говорил, что этот принцип он перенял у своего учителя — Н. К. Гудзия.

Владимир Владимирович просто не мог ничего делать наспех, кое-как, не до конца, избегая кропотливой черной работы. Так, в его архиве среди конспектов и черновиков мы нашли, например, переписанный его рукой текст «Изборника 1073 г.», которым Владимир Владимирович, видимо, пользовался до публикации памятника в 1983 году.

Биография Владимира Владимировича, быть может, типична для русского интеллигента его поколения. Мать — учительница, отец — юрист, дед — священник, с детских лет учивший внука церковнославянскому языку. Родители развелись, когда Володе было 10 лет. Мальчик остался с матерью, а в 1933 году отец был репрессирован. В 1937 году после окончания школы Владимир поступил на литературный факультет МИФЛИ. Занимался в семинаре по древнерусской литературе Н. К. Гудзия. В августе 1941 уходит на фронт. Всю войну прослужил военным переводчиком, победу встретил в Чехии. Потом была Венгрия, демобилизовался только в декабре 1945.

Еще из Венгрии до демобилизации Владимир пишет письмо в деканат филологического факультета МГУ² с просьбой выслать ему правила приема в аспирантуру. «И вдруг через неделю, — вспоминает Владимир Владимирович, — я получаю письмо от Николая Каллиниковича». Н. К. Гудзий в это время был уже деканом факультета и приветствовал желание В. В. Кускова поступать в аспирантуру.

В аспирантские годы он встретил свою будущую жену, тоже филолога, Валентину Ивановну Кононову. В 1949 году В. В. Кусков аспирантуру заканчивает, но диссертация не дописана, он защищает ее только в 1952 году. А тогда, в 1949, он вместе с Валентиной Ивановной уезжает в Свердловск. Преподает, руководит кафедрой русской и зарубежной литературы Уральского государственного университета. Он много работал, читал почти все кафедральные курсы, но, вспоминая эти годы, говорил: «Это было самое счастливое время».

В 1967 году В. В. Кусков возвращается в Москву. Отныне и до последних дней его жизнь связана с кафедрой истории русской литературы Московского государственного университета.

Параллельно Владимир Владимирович читал лекции в Академии славянских культур, где был избран академиком. Преподавал в Лицее при МГУ, Православном университете. Читал лекции в университетах Душанбе, Кишинева, Новосибирска, Фрунзе и др. Приглашали Владимира Владимировича и зарубежные университеты. В 1969—1970 гг. преподает в Варшаве, в 1973—1974 — в университете Огайо, в 1982—1983 — в университете в Хельсинки.

В научном наследии В. В. Кускова немало конкретных исследований. Это, в первую очередь, его кандидатская диссертация «Степенная книга как литературный памятник XVI в.», ряд статей по Куликовскому циклу, Изборникам, Киево-Печерскому патерику. Но главный интерес для него представляли вопросы теоретические: проблемы стилей и жанров, эстетических категорий в литературе и искусстве Древней Руси.

² МИФЛИ во время войны вошел в МГУ.

Тяготая к традициям культурно-исторической школы (Н. С. Тихонравова, в первую очередь), В. В. Кусков, тем не менее, был свободен от ее недостатков. «Эстетическое», которое было у этой академической школы не в почтении, для Владимира Владимировича было, можно сказать, центральным понятием в его работах. Он последовательно закладывал основы эстетики Древней Руси. Таковы его работы о категориях прекрасного и безобразного в мирозерцании человека Древней Руси. С докладами и статьями на эти темы Владимир Владимирович выступал на конференциях и на страницах научных изданий в течение всей своей жизни.

Ценным в его подходе является то, что он избегал столь распространенной односторонности в трактовке категорий средневековой духовной культуры. Одни исследователи рассматривали сугубо элитарный книжный пласт литературы, который был доступен лишь узкому слою самого образованного круга духовенства и знати. Другие — низовую «народную» культуру, в характеристике которой (особенно в советский период) зачастую преувеличивался языческий элемент и недооценивалось христианское начало. В. В. Кусков подчеркивал взаимодействие, взаимовлияние и синтез этих двух феноменов в сознании человека того времени: «Следует отметить, — писал он, — что христианская символика в сознании древнерусского человека тесно переплеталась с народно-поэтической. И та, и другая имели общий источник — окружающую человека природу. И если трудовая земледельческая практика народа придавала этой символике земную конкретность, то христианство вносило в нее элементы абстрактности. Так, текст Священного писания понимался и толковался в Средние века не только «исторически», но и аллегорически, тропологически и аналогически»³. В те времена все оперировали понятием «двоеверие», а оно неизбежно предполагает некое противоречие, фрагментарность в мировосприятии человека средневековья. Владимир Владимирович говорил о том, что мировоззрение русских, воспринявших христианство как систему через книжное знание, было по сравнению с языческим «более сложным и целостным»⁴.

Другая магистральная тема В. В. Кускова — система жанров в древнерусской литературе. Как доказал ученый, именно жанр определял характер большинства компонентов художественной структуры произведения древнерусской литературы. Жанр — идеальная модель, определяемая традицией, особенностями адресата, утилитарно-функциональными характеристиками. «Вычитая» ее из художественной структуры конкретного памятника литературы, мы получаем основу для определения его индивидуального художественного своеобразия.

Как последователь культурно-исторической школы, Владимир Владимирович считал, что закономерности литературного процесса надо изучать в тесной связи с историей искусства. Блестящей работой «Дионисий — «читатель» Жития Алексия»⁵ В. В. Кусков начал разработку проблемы слова и изображения, взаимодействия литературы и искусства. Статьи, Словарь-справочник «Литература и культура Древней Руси», наконец, спецкурс «Православие и культура», который сначала стал событием на филологическом факультете МГУ, а затем был прочитан в Поморском университете.

Еще одна проблема последовательно разрабатывалась Владимиром Владимировичем: мотивы и традиции древнерусской литературы в литературе Нового времени. По этим проблемам им написан целый ряд статей, где он анализировал преломление древнерусской традиции в творчестве А. С. Пушкина, поэзии начала XIX века, Н. В. Гоголя, А. Н. Некрасова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Блока, М. Горького.

Все, о чем раньше писать было нельзя, нашло, наконец, свою трактовку и выражение в статьях В. В. Кускова последних 10-ти лет его жизни. Он пишет о русской версии христианской духовности, своеобразии древнерусской православной культуры. Сами за себя говорят названия его статей: «Крещение Руси и древнерусская культура», «Введение христианства на Руси и древнерусская литература», «Светлое Христово Воскресенье», «Первые святые на Руси», «Благодатный воспитатель русского народного духа» (К 600-летию со дня смерти Сергия Радонежского), «Святой князь-воин (Александр Невский)», «Роль православия в становлении и развитии древнерусской культуры», «Роль Афона в развитии культуры Древней Руси XI—XVII вв.».

³ Кусков В. В. Эстетические представления в Древней Руси // Эстетика и жизнь. М., 1982. Вып. 7. С. 124.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Кусков В. В. Дионисий — «читатель» жития Алексия // ТОДРА. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 175—179.

В круг его научных интересов всегда входила древнерусская агиография. В своей докторской диссертации он описал иерархию типов житий в соответствии с типами святости, сложившимися в ценностном комплексе мировоззрения человека того времени. В начале 80-х Владимир Владимирович подготовил к изданию сборник текстов древнерусских житий — с обширным предисловием, комментарием и переводом. Чтобы завуалировать содержание книги, ее называют «Древнерусские предания».

Во время выхода книги Владимир Владимирович был в Финляндии, где читал лекции в университете в Хельсинки. В один из своих непродолжительных приездов в Москву он показал мне сигнальный экземпляр и сказал: «Скоро будет тираж, тогда подарю». Но «тираж» вышел одновременно со статьей в «Правде»⁶, где некий Н. Тарасенко порицал Владимира Владимировича за «неумное восхищение православными святыми». «Как можно объяснить, — восклицает автор статьи, — что суждения, явно идущие в русле церковной традиции, выходят в свет массовым тиражом?» «Совершенно очевидно, — резюмирует он, — что подобным изданиям требуется создать надежный заслон».

Среднее и старшее поколение помнит, что публикации в «Правде» отнюдь не были фактом личной биографии журналиста, а требовали немедленной реакции и оргвыводов. Естественно, было и партийное разбирательство, и «массового тиража» не случилось. «Древнерусские предания» на сегодняшний день являются библиографической редкостью. Кафедра же ответила, что книга не являлась ее «плановой работой», чем вызвала еще большее раздражение идеологов «Правды». Последовала еще одна статья⁷.

Владимир Владимирович на «разбирательства» в Москву не приезжал, а в «Правду» послал письмо, где писал, что «весьма признателен редакции за то внимание, которое было уделено этой книге в статьях кандидата философских наук Н. Тарасенко». «Я надеялся, — писал дальше Владимир Владимирович, — что подготовленная мною книга принесет пользу широкому читателю, расширит его культурный кругозор. Если этого не получилось, то в этом, несомненно, моя вина». Жизнь расставила все по местам, и, наверное, каждому ясно, чья вина в том, что эта книга и множество других, неизданных и даже ненаписанных, не дошли до «широкого читателя» и не «расширили его кругозор».

В 1990 году В. В. Кусков пишет статью «О социологическом аспекте изучения древнерусской агиографии», в которой подводит итог исследованиям в этой области и намечает задачи дальнейшего изучения житийной литературы. И в последние годы к материалу русской агиографии В. В. Кусков подошел с новых позиций, предложив, по сути дела, оригинальную методологию изучения феномена русской святости. Этот подход не был реализован в полной мере. Он лишь намечался в его отдельных статьях о русских подвижниках. Вновь сказалось стремление к всестороннему исследованию культуры определенной эпохи. Его подход включал изучение агиографического материала на самом широком фоне *народного* восприятия и почитания святого. Параллели в сельскохозяйственном календарном круге, поговорки и пословицы, приметы, духовные стихи — с одной стороны. С другой — прослеживалась история складывания и распространения культа: обретение и перенесение мощей, канонизация, составление службы, жития, похвалы, сложение иконографического типа, постройка храмов и т. д.⁸ Он и сам формулировал этот принцип: «Изучение древнерусской агиографии необходимо связывать с изучением текстов церковных служб, помещенных в Служебных Минеях, а также с народным земледельческим календарем — Месяцесловами. Только такое комплексное изучение дает возможность показать значение древнерусской агиографии в народном мирозерцании»⁹. Нет сомнения, что такой подход действительно может стать основой для самых широких выводов и обобщений, касающихся русской ментальности.

Широта научных интересов и взгляда на медиэвистику в целом была всегда отличительной чертой В. В. Кускова. В последние же годы он в своих выступлениях и статьях намечал основные наиболее перспективные направления изучения литературы Древней Руси. Так, он говорил о необходимости всестороннего изучения роли Евангелия в древнерусской литературе (популярность притчи, цитирование и использование евангельских клише, а также жанровые образцы — для жития-мартирия, поучения и

⁶ Тарасенко Н. Время искать // «Правда» 1983, 15 мая. С. 3.

⁷ Тарасенко Н. Чем счастлив человек. «Правда» выступила, что сделано? // «Правда». 1983, 16 июля. С. 3.

⁸ См. Кусков В. В. Первые святые на Руси // Советская библиография. 1991. № 4. С. 50-53.

⁹ Кусков В. В. Роль православия в становлении развития древнерусской культуры // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. М., 1997. Т. 1. С. 121.

т. д.). Столь же важны, отмечает ученый, Апостол и Псалтырь. Указывал он на важность исследования древнерусских сборников, учительного красноречия, гимнографии и ее значения для развития как средневековой, так и Новой литературы, духовных стихов, сказаний о чудотворных иконах. Считал необходимым изучение роли монастырей в развитии культуры Древней Руси, намечал пути разработки подходов к переводной агиографии и ее адаптации на русской почве.

Не меньший вклад в развитие отечественной науки внес В. В. Кусков как научный руководитель, учитель, подготовивший к самостоятельной научной работе десятки молодых ученых. Многие из членов семинара, дипломников Владимира Владимировича поступали в нему в аспирантуру и продолжали трудиться на поприще отечественной медиевистики. Трудно перечислить все темы спецкурсов, которые прочел он своим ученикам в Московском университете. Он возил нас на экскурсии — и не только по Москве, мы ездили в Троице-Сергиеву лавру, в Переяславль-Залесский. Старшие ученики по просьбе Владимира Владимировича опекали начинающих: помогали им в работе с рукописями. Может быть, отчасти и поэтому мы не теряем друг друга, поддерживаем между собой товарищеские отношения.

За годы его преподавательской деятельности под его руководством подготовлены и защищены около 30 кандидатских диссертаций. Большинство из них — работы известных сегодня исследователей-медиевистов, в числе которых — члены редколлегии и авторы нашего журнала: В. П. Гребенюк, В. М. Кириллин, В. В. Калугин, С. В. Козлов, С. В. Минеева, М. С. Фомина и многие другие.

Многоаспектность тем диссертаций его учеников заставляет предположить, что В. В. Кусков имел собственную программу научных исследований древнерусской литературы, которую планомерно осуществлял. Среди тем — исследования творчества отдельных древнерусских авторов: (работы В. А. Грихина, М. В. Антоновой, С. В. Козлова, Л. А. Янковской); жанров и поэтики памятников (О. М. Анисимова, И. А. Кондакова, А. А. Пауткин, И. В. Дергачева, В. М. Хачатурян, Е. А. Верховская); древнерусских сборников (Т. В. Черторицкая, М. С. Фомина); история текста и художественные особенности конкретных памятников (С. В. Минеева, Е. А. Бучилина), своеобразие областных литератур (Г. Ю. Филипповский, П. В. Пятнов, Е. Л. Конявская).

На протяжении всей своей научной и педагогической деятельности Владимир Владимирович публиковал и способствовал публикации текстов памятников и переизданию классических работ отечественных ученых-медиевистов. О бережном отношении к научной традиции писал он в последние годы: «...Не пора ли нам подумать о выполнении своего сыновнего долга... и начать издание специальной серии «Наше историко-филологическое наследие», в которой издать труды К. Ф. Калайдовича, И. П. Сахарова, П. М. Строева, М. А. Максимовича, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравова, В. Н. Перетца, А. С. Орлова, М. Н. Сперанского и др. Не следует ли подумать также, — продолжает он, — о создании небольшого словаря справочника, посвященного выдающимся исследователям-медиевистам?»¹⁰

За несколько лет до смерти Владимир Владимирович совершил паломничество в Иерусалим. А за несколько месяцев до болезни, когда, казалось бы, еще ничто ее не предвещало, как истинно русский праведник, предсказал свою скорую кончину. Предчувствуя ее, он принимал то, что его ждет, со спокойным достоинством. Цитировал Екклесиаст и Покаянный канон Андрея Критского: «**Приближается, душа, конецъ, приближается, и нерадиши, ни готовишися, время сокращается, востани, близъ при дверехъ сѣдѣа естъ: икв сонѣе, икв цвѣтъ, время житїа течеть: что всѣ матемса**». А умер — мы в этом увидели некий знак — в день своего рождения: 31 июля 1999 г.

Библиография научных трудов В. В. Кускова:

1. Рец.: Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947 // Советская книга. 1948. № 7. С. 91—93.

¹⁰ Кусков В. В. Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. С. 483—484. Сам Владимир Владимирович внес серьезный вклад в сохранение научной традиции — «связи времен» — в отечественной медиевистике: им подготовлена и издана Хрестоматия «Древнерусская литература в исследованиях», написаны краткие справочно-биографические очерки о выдающихся русских медиевистах в Словаре-справочнике.

2. Степенная книга как литературный памятник XVI в. АКД. М., 1952.
3. Рец.: Молодые голоса. (Молодые голоса: Стихи и рассказы. Свердловск, 1951 // Уральский современник. 1952. № 2. С. 275—277.
4. Выдающийся русский писатель-демократ Д. Н. Мамин-Сибиряк // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Рассказы и очерки. Свердловск, Сто лет со дня рождения: 1852—1952. Свердловск, 1953. С. 7—16.
5. Мамин-Сибиряк — обличитель капитализма // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Рассказы и очерки. Свердловск, 1953. С. 3—8.
6. Летопись уральской жизни // Урал. 1957. № 1. С. 226—232.
7. Писатель, критик, педагог: К 60-летию со дня рождения К. В. Боголюбова // Урал. 1957. № 2. С. 196—202.
8. Рец.: Новое исследование о Мамине-Сибиряке. (Груздев А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Критико-биографический очерк. М., 1958) // Урал. 1958. № 9. С. 181—182.
9. Из наблюдений над стилем Степенной книги // Учен. зап. Уральского гос. ун-та. Вып. 28. Свердловск, 1959. С. 259—292.
10. Рец.: Полезная книга (Прянишников Н. Е. Проза Льва Толстого. Оренбург, 1959) // Урал. 1961. № 3. С. 174—175.
11. Юбилейные конференции (К 150-летию со дня рождения В. Г. Белинского. Резюме выступлений на филол. фак-те Уральского ун-та) // Урал. 1961. № 8. С. 177—178.
12. Курс лекций по истории древнерусской литературы: Учеб. пособие для студентов-заочников филол. фак-та. Свердловск, 1962.
13. Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. // ТОДРЛ М.; Л., 1962.
14. В. Г. Белинский и «Слово о полку Игореве» // Проблемы историко-литературного процесса. Свердловск, 1965. С. 140—147.
15. Традиции Н. В. Гоголя в исторической повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «Охонины брови» // Свердловский литературный музей им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Доклады 1964. Свердловск, 1965. С. 38—51.
16. История древнерусской литературы. Курс лекций: (Учеб. пособие для студентов гум. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов). 2-е изд. М., 1966.
17. Мир Льва Толстого на экране // Вечерний Свердловск. 1966. 12 ноября.
18. На лекциях и в семинаре МИФЛИ // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 56—64.
19. Древнерусская литература и искусство в оценке М. Горького // Роль М. Горького в развитии советской и мировой культуры. Тезисы докладов. М., 1968. С. 15—18.
20. Представления о прекрасном в древнерусской литературе // Проблемы изучения художественного произведения: (Методология, поэтика, методика). Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1968. С. 52—54.
21. Дионисий — «читатель» жития Алексия // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 175—179.
22. Дар ученого университету. (О передаче б-ки Н. К. Гудзии науч. б-ке МГУ) Вестник МГУ сер. 10. Филология. 1969. 1969. № 3. С. 95—96.
23. Представления о безобразном в древнерусской литературе // Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы. М., 1969. С. 55—56.
24. Ленинская концепция народничества и проблемы народа в русской литературе второй половины XIX века // Slavia Orientalis. 1970. № 4. S. 347—361.
25. Ф. М. Достоевский и древнерусская литература // Przegląd Humanistyczny. 1971. № 5. S. 1—14.
26. Некоторые вопросы взаимосвязи литературы и искусства Древней Руси // Język Rosyjski. 1971. № 1. S. 48—53.
27. Обсуждение проблем социалистического реализма // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1971. № 3. С. 88—90.
28. Мотивы древнерусской литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология 1971. № 5. С. 22—28.
29. Представление о прекрасном в древнерусской литературе // Проблемы теории и истории литературы // Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах М.,

1972. С. 43—45.
30. Программа курса «История русской литературы» для гос. ун-тов. Спец. рус.яз. и лит-ра М., 1972.
31. Филологические факультета университетов к 50-летию образования СССР Филол. фак-т Моск ун-та // Филол. науки. 1972. № 6. С. 99—102.
32. Мотивы древнерусской литературы в русской романтической поэзии первой четверти XIX века. М., 1973. (Докл. на Международном съезде славистов).
33. Пьесы школьных театров Москвы / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, В. В. Кусков и др. Под ред. А. С. Демина. М., 1974.
34. В университете штата Огайо // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1975. № 4. С. 495—498.
35. «Слово о полку Игореве» и изобразительное искусство // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1976. № 3. С. 25—30.
36. История древнерусской литературы: (Учебник для филол. спец-тей ун-тов и спец-ти «Журналистика»). 3-е изд., испр. и доп. М., 1977.
37. Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси / Сост.: В. В. Кусков, С. С. Жемайтис; Под общ. ред. В. В. Кускова М., 1978.
38. Связь поэтической образности «Слова о полку Игореве» с памятниками церковной и дидактической письменности XI—XII вв. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 69—86.
39. Николай Калининвич Гудзий (1887—1960) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 6. С. 62—65.
40. Вячеслав Федорович Ржига (1883—1960) // там же. С. 66—69.
41. У истоков русской литературы: Краткий очерк развития литературы Древней Руси // Русский язык за рубежом. 1979. № 2. С. 99—106; № 3. С. 107—113; № 4. С. 115—119.
42. Великий подвиг русского народа (к 600-летию Куликовской битвы) // Русская речь. 1980. № 4. С. 46—51.
43. Знаменательное событие русской истории (о Куликовской битве) // Русский язык за рубежом. 1980. № 4. С. 46—51.
44. Жанры и стили древнерусской литературы XI— первой половины XIII в. АДД. М., 1980.
45. Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом» // Вестник МГУ, Сер. 9. (Филология. 1980. № 6. С. 12—17.
46. A History of Old Russian Literature / Transl. from the Russ. by Ronald Vroom. Moscow, 1980.
47. На Непрядве: К 600-летию исторической битвы на поле Куликовом: Сб. / Общ. ред., вступ. ст. и примеч. М., 1980.
48. Куликовская битва в русской литературе XV—начала XX в. // Там же. С. 5—24.
49. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 39—51.
50. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI— первой половины XIII века // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. С. 3—12.
51. Мать городов русских // Русский язык за рубежом. 1982. № 4. С. 100—107.
52. Жанровое своеобразие Киево-Печерского патерика // Методология литературоведческих исследований. Прага, 1982. С.38—47.
53. История древнерусской литературы: Учебник для студентов филол. спец-тей ун-тов. 4-е изд., испр. и доп. М., 1982.
54. Древнерусские предания (XI—XVI вв.) / Сост, вступ. ст. и коммент В.В. Кускова. Подгот. древнерус. текста и пер. В. В. Кускова, В. А. Грихина, Г. Ю. Филипповского. М., 1982.
55. Эстетические представления в Древней Руси // Эстетика и жизнь. М., 1982. Вып. 7. С. 121—141.
56. Мотивы и образы древнерусской литературы в творчестве Ф. М. Достоевского // Труды по рус. яз. и лит. Вып. 4. Каф. рус. яз. ун-та Ювяскуля. Ювяскуля, 1982. С. 2—11.
57. Рец.: Изучение текста. (Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983) // Вопросы литературы. 1984. № 4. С. 90—96.
58. Сражающееся «Слово» //Русская речь. 1985. № 4. С. 3—7.
59. Рец.: Живое «Слово». («Слово о полку Игореве». Свердловск, 1985) // Урал. № 7. С. 186—188.

60. Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия: Учеб. пособие для филол. спец-тей вузов / Сост. В. В. Кусков. М., 1986.
61. История древнерусской литературы: Учеб пособие для студентов пед ин-тов / В. В. Кусков, Н. И. Прокофьев. Л., 1987.
62. Крещение Руси и древнерусская литература // Русский язык за рубежом. 1988. № 4. С. 99—113.
63. Введение христианства на Руси и древнерусская литература // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1988. № 4. С. 12—19.
64. Теория и практика литературоведческих и лингвистических исследований: Сб. ст. / Под ред. В. В. Кускова, Л. В. Златоустовой. М., 1988.
65. Историческая аналогия событий и героев «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 62—79.
66. Культура и просвещение в X— первой половине XIII века: Школы древнерусского государства // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1989. С. 30—39.
67. Поэтическая фразеология «Изборника 1076 года // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 52—75.
68. «Язык» древнерусской культуры // *Slavia Orientalis*. 1969. № 3/4. S. 311—324.
69. О социологическом изучении древнерусской агиографии // Вестник МГУ Сер. 9. Филология. 1990. № 2. С. 3—12.
70. «Россов усердный защитник» (Александре Ярославиче Невском) // Русский язык за рубежом. 1991. № 1. С. 93—98.
71. Светлое Христово Воскресенье // Русский язык за рубежом. 1991. № 2 С. 5—19.
72. Первые святые на Руси // Советская библиография. 1991. № 4. С. 50—53.
73. Осенне-зимний народный календарь // Русский язык за рубежом. 1991. № 5. С. 4—13.
74. «Благодатный воспитатель русского народного духа» (К 600-летию со дня смерти Сергия Радонежского) // Советская библиография. 1992. № 1. С. 40—43.
75. «Добрый страдалец за Русскую землю» (О Владимире Мономахе) // Советская библиография. 1992. № 2. С. 46—50.
76. Святой князь-воин (Александр Невский) // Библиография. 1992. № 3/4. С. 53—56.
77. В. Ф. Ржига. Гармония речи «Слова о полку Игореве» (пер. с укр. и публ.) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 5. С. 5—29.
78. Из истории русской культуры. Осенне-зимний календарь. Сентябрь-октябрь // Русский язык за рубежом. 1992. № 3. С. 31—42.
79. Андрей Николаевич Робинсон (1917—1993) // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 2. С. 264—265.
80. Критические раздумья о современных научных изданиях памятников древнерусской литературы // Вестник МГУ Сер. 9. Филология. 1993. № 5. С. 36—37. (В соавторстве с Н. И. Прокофьевым)
81. Литература и культура Древней Руси. Словарь-справочник / О. А. Анисомова, В. В. Кусков, М. П. Одесский, П. В. Пятнов. Под ред. В. В. Кускова. М., 1994.
82. Н. К. Гудзий — создатель первого советского вузовского учебника по истории древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. Ч. 2. С. 476—484.
83. Юбилей Веры Александровны Апухтиной // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 139—140. (В соавторстве с О. С. Октябрьской)
84. Повести о трагических событиях отечественной истории // Русская словесность. 1996. № 1. С. 7—13.
85. Связь времен. О связях древнерусской литературы с литературой Нового времени (XVIII— первая половина XIX в.) (К 90-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева) // Вестник МГУ сер. 9. Филология. 1996. № 4. С. 22—33.
86. Повести о начале Москвы // Русская словесность. 1997. № 3. С. 7—11.
87. Проблемы историзма древнерусской литературы XI—XII вв. // ТОДРА. СПб., 1997. Т. 50. С. 303—309.
88. Роль православия в становлении развития древнерусской культуры // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. М., 1997. Т. 1. С. 108—122.

89. Роль Афона в развитии культуры Древней Руси XI—XVII вв. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 238—248.
90. Древнерусская литература и наша современность // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М., 1998. С. 26—34.
91. История древнерусской литературы: Учебник для филол. спе-тей. вузов. 6-е изд., испр. и доп. М., 1998.
92. Достижения и просчеты русской медиевистики // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998. С. 270—276.
93. Молитва у А.С. Пушкина // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 7—11.
94. Православные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Русская литература XIX века и христианство. М., 1999. С. 134—140.
95. А.С. Пушкин и древнерусская литература // Русский язык за рубежом. 1999. № 2. С. 36—45.
96. Учительная литература // Российская педагогическая энциклопедия М., 1999. Т. 2. С. 492—494.

Не все научные работы В. В. Кускова изданы. В этом номере мы публикуем его исследование «Изборника 1073 г.»

В. В. Кусков

СВЯТОСЛАВОВ ИЗБОРНИК 1073 ГОДА¹

Сразу же после принятия христианства Древняя Русь обратилась к творениям отцов церкви, поскольку «новые люди», т. е. вновь обращенные христиане, нуждались в разъяснении христианской догматики, нравственных наставлений-поучениях, в «душеполезных словах». На Руси воспользовались готовыми переводами на древнеславянский язык греческих энциклопедических сборников, сделанных еще в конце-начале века в Болгарии при царе Симеоне, а также начали создавать сборники, включавшие в свой состав отдельные произведения Отцов церкви и произведения оригинальные, зачастую приписанные признанным авторитетам византийской патристики. Эти сборники, конечно, не могут быть в полной мере отнесены к художественным произведениям. Однако их изучение позволяет уяснить характер умственной, нравственной жизни того времени, а также лучше разобраться в художественном своеобразии оригинальных произведений древнерусской литературы.

Первым дошедшим до нас древнейшим философско-дидактическим сборником является знаменитый «Святославов Изборник 1073 года», созданный в Болгарии для царя Симеона и переписанный в Киеве дяком Иоанном для князя Святослава Ярославича.

Сборник был ориентирован на круг лиц «**прѣвизанѣхъ насытъшесѣ сладости книжныи**», в первую очередь, на великого князя, державного владыку, и его ближайшее окружение. Цель сборника — дать готовые ответы о «**неразоумныхъ словесехъ**» Евангелия, Апостола и иных книг (ветхозаветных), дабы «**Обавити покръвеныа разоумы въ глоубинѣ многострѣпътныхъ сиухъ кънигъ**»².

Инициативу по переписке Изборника царя Симеона проявил, очевидно, еще Изяслав Ярославич, и только после занятия Киевского стола в 1073 г. его братом Святославом в послесловии сборника появилось имя Святослава и к рукописи был пришит согнутый пополам лист пергамента с изображением Христа и самого великого князя Святослава и его семьи³.

Что же заставило Ярославичей обратиться к сборнику болгарского царя Симеона? Видимо, к этому вынудили их бурные события конца 60-х — начала 70-х годов XI столетия: восстание горожан в

¹Текст подготовлен Конявской Е. Л., Конявской С. В., Фоминой М. С.

²Изборник 1073 г. М., 1983. Л. 263 об. (далее при цитировании указание на листы дается в тексте в скобках)

³См.: История русского искусства в 10-ти томах. М., 1953. Т. 1. С. 228.

Киеве в 1068 г., появление там же волхва в 1071 г., предсказаниям которого верили «невегласи», жившие в Киеве вместе с «верными»⁴, и, наконец, восстания смердов в Ростовской области на Белозере, Волге и Шексне, во главе которых встали волхвы⁵. С волхвами пришлось вести борьбу посланному Святославом за сбором дани Яну Вышатичу не только оружием, но и словом. Именно в целях идеологической борьбы с язычеством, его рецидивами, утверждения авторитета княжеской и церковной власти и перепечатывается в 1073 г. Изборник⁶.

«Статьи, помещенные в Изборнике, не только духовного, но и мирского содержания, философского, риторического, описательного и частью исторического. Это целая энциклопедия различных сведений...», — отмечал Ф. И. Буслаев⁷.

В составе Изборника 276 статей, хотя оглавлением зафиксировано всего 189. Они содержат извлечения из творений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Михаила синкелла Иерусалимского, Анастасия Синаита, Кирилла Иерусалимского, Василия Великого, Иоанна Лествичника, Диодоха, Марка Чернеца, Дионисия псевдо Ареопажита, Максима Исповедника, Исидора, Нила Синайского, Никифора архиепископа Константинопольского, Олимпиадора, Феодорита, Елифания Кипрского, Иемесия епископа Емесского, Григория Богослова, Ипполита папы Римского, Евсевия Памфила, Оригена, Тита Бострского, Ефрема Сирина, Сеугира Антиохийского, Льва феолога, Феодора пресвитера Раифского, Иринея, Августина, Исихия, Иоанна Дамаскина. Отдельные статьи представляют собой извлечения из ветхозаветных книг: Исхода, Второзакония, Третьей и Четвертой книги Царств, Иова, Притчей Соломоновых, Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса сына Сирахова, Исаи, Иеремии, Иезекеиля, Осии; из Евангелия и Апостола. В Изборник включены сведения «**О СЯТЫХЪ И МИРЬСКИНЪХЪ ШЕСТИ СЪБОРЪХЪ**» (Гл. 11 — 15), отрывок «**ОТЪ ЛИМОНАРТА**» (Гл. 100), руководство по поэтике Георгия Хировоска «**О ОБРАЗЪХЪ**» (Гл. 175), чисто справочные сведения: «**ПО РИМЛАНЕМЪ О РАЗЛИЧНЫХЪ МЪСЯЦИНЪХЪ**», «**МЪСЯЦИ ПО ИУДЪКОМЪ**», «**ПО МАКЕДОНОМЪ**», «**ПО КЛИНОМЪ**», «**ПО КУГУПЪТЪНЕМЪ**» (Гл. 184—192), сведения «**О ВЪНАРОЧИТЫНЪХЪ КЪНИГАХЪ**» и указатель книг «неистовых» (Гл. 191—192), сведения о 16 пророках «**ОТЪКОУДОУ ВЪ ИЛИ КЪДЕ ИЗМРЪША**» (Гл. 193), о 12 апостолах, «**КЪДЕ КАИЖДО ИХЪ ПРОПОВЪДА ИЛИ КЪДЕ ОУМРЪША**» и перечень имен 70 апостолов (епископов). Такой же справочный характер носит и помещенный вслед за Послесловием «**ЛЪТОПИСЬЦЪ ВЪКРАТЦЪ ОТЪ ЛВЪГОУСТА ДАЖЕ И ДО КВНСТАНТИНА И ЗВЪА ЦЕСАРЬ ГРЪЧЬСКИНЪХЪ**» (Гл. 264—266).

Таким образом, отличительную особенность Изборника 1073 г. составляет его энциклопедизм. В нем давались ответы на самые различные вопросы философско-богословского, нравственного и исторического содержания. В связи с этим в статьях Изборника преобладающее место занимает вопросно-ответная диалогическая форма, форма беседы. Следует отметить, что в подобной же форме частично построено одно из первых произведений древнерусской литературы «Слово философа» ко князю Владимиру, помещенное в «Повести временных лет» под 986 годом⁸ и существовавшее также в отдельных списках независимо от летописи⁹.

По жанровому содержанию входящие в состав Изборника 1073 г. статьи могут быть отнесены к широко распространенным дидактическим жанрам учительного слова, слова обличительного, философского трактата, информационно-справочной статьи, т. е. к жанрам, находящимся за пределами собственно художественной литературы. Однако для своего времени, когда художественное творчество еще не являлось самостоятельной областью общественного сознания, эти жанры наряду со своей чисто практической дидактической функцией выполняли и функции художественные. В своих наставлениях, поучениях Отцы Церкви прибегали к эмоционально-художественным средствам выражения мысли, стремясь

⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 174.

⁵ Там же. С. 175—178.

⁶ См.: Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 276.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 87—106.

⁹ Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XII вв.) СПб., 1906. С. 12

сделать их ясными, доступными и запоминающимися.

В связи с этим обращает на себя внимание использование афористических форм речи. Например: «**Въпросъ:... чьто ксть знаменик съвършенааго хрїстіана? Ѡвѣт: Вѣра и дѣла благочыстива...**» (27 — 27об.) и далее: «...истиннаа бо вѣра дѣлы искоушаютьса, правож вѣрож и довыми дѣлы зиждетьса доушыный домъ» (27 об.). Или: «**слава бо отцемъ прѣподовикъ сыновык и чьсть владыкамъ страхъ равни**» (28 об.). Так с помощью афоризма утверждалась мысль о необходимости каждому человеку следовать традициям своих отцов и подчеркивалось значение идеального качества «раба» — страха, ибо сам Бог презирает «**на смѣрнаанаго и мълчаливааго и трепештоушга**» (Л. 34). Именно в выработке этих нравственных качеств у своих подданных и были заинтересованы как светские правители, так и церковные святители.

Все поучения и наставления носят обобщенный характер. В них говорится о человеке вообще, который должен следовать в своей жизни определенным нормам идеальной, вечной христианской морали. В связи с этим в Изборнике прославляется «**плодъ дѹхъвыни ксть: любви, радость, миръ, длъготръпѣник, доброта, благостыни, кротость, вѣра, въздръжаник**» (Л. 117 об.). Эти качества украшают человека, а сквернит его «**зълодѣяник оустынна, гаже хоулюник, клкветаник, сквърнынословник, смѣхъ, оукореник**» (Л. 31).

Большое место в Изборнике занимают рассуждения о добре и зле. «**Человѣкъ самовластынь ксть о соемъ спасѣни(ни и) погыбѣлиа**» (Л. 165) и только «**развраштено срьдце творить зъло**» (Л. 181 об.). Бог же — источник всяческого добра: «**Нѣсть злоу виннь Богъ**» (Л. 104 об.). Зло, которое творят нам супостаты, посылается нам за согрешения «**не на погыбѣль, нъ на показаник**» (Л. 98 об.). Поэтому все зависит от нашего «изволения»: «**въ насъ ксть, любо оуклонатъса зла, любо зломъ быти**» (Л.111 — 111 об). «**Человѣка вѣмъ испрѣва ни смѣрътна исповѣдакмъ, ни весѣмрътна бивѣша на прѣдѣлѣ же обоого кстьства, да аще ѹбо въслѣдѹють плътныихъ врѣдовъ, въпадеть и въ плътныа съвраты, аште ли дѹшынаа паче почитеть доброты весѣмрътыа съподовитъса**» (Л. 132 об.). Таким образом, источник греха — «**плътныа съвраты**». Эта мысль демонстрируется ответом на вопрос: «**отъ колика образъ блѹдъ и съньа въ человѣцѣ бывають?... тако же отци глаголють, отъ четырь: отъ кстьствынааго въгорѣниа възгарагаса, отъ мъогагаго ѣдкниа и многа питниа, и многа съпанниа, и отъ празни, и отъ величаниа, или кже соудити инѣмъ съгрѣшажштемъ, или отъ зависти вѣсовьскыа**» (Л. 53 об.). «**Многоѣденик, многок питык сквърнитъ человѣка, въставлажште на нь страсти плътныа на нечистоты**» (Л. 193 об.). Резко обрушивается Изборник на тех, кто «**съвраштакть дроугы и съводатъ га на поутъ недобрыи... и ксть крада зълобынаа и ровъ глоубокъ оуста безаконьнааго...**» (Л. 181 об.). Предостерегает от лживых пророков, а, по свидетельству летописи, их появлялось немало в 60—70-х годах XI столетия. Эти пророки приходят в одеждах «овчих», а внутри — волки хищные. И даже сам «**сотона прѣображаютьса въ свѣтълааго аггела... и слоугы кго прѣображаютьса, акы слоугы правдыныа**» (Л.181—181 об.) (подобные сюжеты затем появятся в сказаниях Киево-Печерского патерика).

Особо предупреждает Изборник царя, внимающего словам неправедным: «**...кълма же и малъ квасъ все тѣсто въкваси, и кдинъ татъ на всж страну мръзость наводи, и моухы ѹмьръше осквърнатъ растворъ сладости маслына, и царж, послоушажштж слова неправдына, вса соущаа подъ нимъ слоугы безаконьны**» (Л. 184 об.).

Касается Изборник и вопросов, связанных с несправедливостью земной жизни (гл. 91): «**Да чесо ради глаголють: не вси тако моучатъса, не бо нъ многы видимъ зълыа съдравы и рѹманы и многы прикмяюща житык, нъ кже то ничьтоже прикмяю.**» На него дается ответ устами апостола Иоанна: «**соудими же отъ господа наказаньса да не съмиримъ соужени боудемъ**» (Л. 112 об.—113).

Защищая основы феодального строя, их незыблемость, статьи Изборника внушают мысль о том, что «**власти мирьскыа от Бога вѣчинены соутъ**» и «**всакъ владыка и царь или**

«**ипискоупъ отъ Бога поставляеться**», в том числе и недостойные, которые поставляются «**по Божиѣхъ попоуштениѣхъ или хотѣниѣхъ**» (Л. 95 об.). Это назидание подкрепляется примером: «**слыши же о семъ и повѣсти нѣкѣихъ**», в этой «повести» рассказывается о чернеце, который со дерзновением спросил Бога: «**почто сицего цесаря постави?**» Явившийся ему ангел сказал: «**егда видиши недостойна кого и зла цесаря или князя, или ипископа, не чждиша, ни божия промысла потазиши нъ разумѣши, вѣроуши, тако пртивоу беззаконникъ нашимъ тацѣмъ томителемъ прѣдакша, тоже и тако зъла не останемъся**» (Л. 95 об.—96).

Следует отметить, что это, пожалуй, единственный пример в статьях Изборника, когда поучение подкрепляется «повестью», точнее, сказанием, лишенным, однако, конкретных исторических указаний на место и время действия, на имя «чернеца», что вполне соответствует абстрактно-обобщенному характеру нравоучительных ответов.

Многие статьи Изборника связаны с разъяснением текстов Писания, их толкованием и начинаются стереотипным вопросом: «**како е разумети**».

Отдельные статьи посвящены разъяснению символического значения образа Соборной Церкви, значения епископа, подражателя «великого пастуха», поставленного поднимать недуги всех; его одежд, в частности, омофора, знаменующего заблудшую овцу, которую разыскал Христос и возложил себе на плечи. Отвечают на вопрос: «**чѣсо ради ни боле, ни хоужде числъмъ соутъ кѣаггелиа чѣтыри части соутъ миру?**»: «**стѣлпъ же и оутвьръженикъ церковноу**» (Л. 176 об.). Это символическое значение зримо подчеркивалось архитектурой храмов. Далее разъясняется значение символов евангелистов: лев — «**властельскоу и царскоу образу**», телец — «**святительскимъ чинъ**», «**лице человеческо**» — «**по человекѣку бывъшии приходъ**» на землю, орел летящий — «**духовноу на церковь прилѣтаниа**» (Л. 176 об.—177).

Статьи Изборника почти не касаются бытового уклада жизни, ибо «**не плѣтскы вѣсти и пити повелѣвакть съборникъ, нъ доуховнѣ, иже бо к въ притѣчахъ глагол, не прѣлштантеса сытостыж оутробоуи и благо ксть ити въ домъ плачныи, неже въ домъ пироваыни**» (Л. 157 об.). Последние слова как нельзя лучше объясняют характер статей сборника, ставившего своей целью дать духовную пищу, полезную «**по оученик, на обличеник, на оуправленик, на наказаник**», наставить человека «**въ правдѣ**», нацелить его «**на всако дѣло благо съвршении**» (Л. 199 об.). В связи с этим Изборник говорит о великом зле «**не вѣдети писаниа**», требует уклонения всех «**страньскыхъ кънигъ**», «**странъскыа коштжны**» (Л. 203—204), т. е. языческих, чужеземных¹⁰.

Главное же качество, которое ценится статьями Изборника, в книге — это ее мудрость: «**Божьскыхъ же словесъ послоушаа и моудрии моудрѣи боудеть**» (Л. 204). «На ученье» мудрости и предназначаются статьи Изборника, излагающие некоторые положения неоплатоновской философии: «О небесной иерархии» псевдо Дионисия Ареопагита¹¹ и начальная часть трактата «Органонона» Аристотеля — в трактате Федора пресвитера Раифского¹².

Ряд поучений, помещенных в Изборнике, обращен непосредственно к читателю-слушателю. С этим связано характерное синтаксическое построение фразы, где логическое ударение падает на глагол, стоящий, как правило, в повелительном наклонении. Например: «**Бѣган оубо зълыныхъ дѣлъ**» (Л. 37 об.); «**никъто же васъ да не прѣлштакть тѣштними словесы**» (Л. 32 об.); «**извьръзи кладоу прѣжде отъ очесе свокоу, тѣгда узъриши извьръшти сжыць отъ очеси брата твокоу**» (Л. 210 об.).

Ведущим жанром, разработанным Отцами Церкви, являлось «слово», беседа, построенная в вопросно-ответной форме. В Изборнике 1073 г. в большинстве случаев даны извлечения из «слов», «вопросов и ответов». Это подтверждается в самом названии статей. Например, «**Исидорово отъ поспѣшъныхъ главизна**» (гл. 38, л. 34 об.), или «**Маѣимово отъ трудоуныхъ главиз-**

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1. С. 541.

¹¹ См.: Велчев В. Неоплатоновская философия в Изборнике. Хроника конференции, посвященной Изборнику 1073 г. // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. Т. 34. 1975. № 2.

¹² См.: Пейчев Б. Б. Трактат Теодора Раифского как интерпретация категорий Аристотеля // Там же.

на» (гл. 54, л. 38), или «**Святаго Василиа отъ того, како нѣсть винѣнъ богъ злоу**» (гл. 87, л. 111, гл. 208, л. 104 об.) и т. п. Сами эти извлечения определяются характером поставленных вопросов. Так, например, Толкования Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея разбросано по различным статьям Изборника: 26, 28, 42, 81, 105, 111, 118, 130; его же толкование на Евангелие от Иоанна — в 29 и 52.

Статьи Изборника, прежде всего, преследовали учительные цели, не ставя задач художественных. Однако следует обратить внимание, что в отдельных главах мы встречаем широко разработанную художественную систему эмоционального воздействия на читателя-слушателя. Например, в 9 главе Изборника «**Миѡанла Свнъкела Иероусалимьскаго написаник о правки вѣрѣ**» так разъясняется догмат Троицы: «**нѣ не трии бози, ꙗдинъ бо богъ, имъ же и ꙗдино божество въ трехъ лицихъ съприсносжштъны, не кстьствы отъпрѣтаемы, ни образомъ идеже бо и отецъ тоу идеже и сынъ и дѹхъ, и идеже и дѹхъ идеже отецъ и сынъ, съпроста рѣшти троици кланѡжса въ ꙗдинници и ꙗдиньници в троици, ꙗдиньници трьсовьнѣ и троици ꙗдиносѡштънѣ, и коупносильнѣ и коупночъстѣнѣ и събезначальнѣ; ꙗдино же исповѣдаж свѣтыа троица божество, ꙗдино божество, ꙗдиносѡштик, ꙗдиноу силоу, ꙗдиноу власть, ꙗдино господство, ꙗди царство, тоу ꙗдиноу вѣдѣ присносѡштоу, нероденъ, безначальноу, несъздану, невидиму, неописану, недомыслиму, неустаивому, непрѣмѣнну, несъвратьноу, вѣсѣмьртноу, вѣспагоувьноу, вѣстрастьноу, вѣсмоу творитвьноу, и съдържательноу и промысльноу небоу и земли и морю и всѣмъ, ꙗже въ нихъ видимыхъ и невидимыхъ**» (Л. 20 об. — 21 об.) (подчеркнуто мною — В. К.).

Перед нами явный образец ритмической прозы. «...Основу ритмической организации прозы, — отмечает В. М. Жирмунский, — всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями (в особенности анафорами)»¹³. Приведенный выше пример свидетельствует об использовании синтаксического параллелизма и повтора слова «един» для выделения основной мысли: о единстве Троицы¹⁴. Кроме того, обращает на себя внимание стремление разъяснить сущность Божества при помощи пяти синонимических существительных: «Божество», «сила», «власть», «господство», «царство» и 14 эпитетов. Подобные приемы украшения речи, выделения ее логически-эмоционального акцента найдут широкое применение в творчестве древнерусских писателей: Илариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского, а затем Епифания Премудрого.

Синтаксический параллелизм и повторы использует и Григорий Нисский «...прославѡ чѡудѡ, имъ же **выше оума, выше словесе, выше разоума нашьскаго**» (Гл. 7. Л. 14). Синонимические параллели употребляются даже в таких, казалось бы, сугубо «деловых» статьях, как «**О свѣтыихъ и мирьскыхъ шести съворѣхъ**»: «...и тѣлоу съпострадажштоу **тжгамъ и печальмъ доушьнымъ...**» (Л. 24 об.). (Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Тѹга и тоска сынѹ Глѣбовѹ»). Или: «...до **многа в мени множайша таѡхѡуѡса, намьного же простираѡмо и многы церковники гѣбашта...**» (Л. 26). Особенно примечательна ритмическая организация речи в обличительных словах, где наряду с синтаксическими параллелями ритмообразующую функцию выполняют глагольные рифмы. «...**Женоу прѣмоудрааго Соломона на прѣстоупленик разврати, женоу Самсона ослѣпи, женоу Ильѡ прогъна, и прѣдътеч Христова оуѣкноу, женоу вса закалакть, вса корить, вса оубивакть, вса хоулитъ, вса потѡзаекть; жена бо вѣстоудна ничьсоже не соумнитъса, ни пророка стыдитъса ни свѣтителѡ страмлактьса, ни сѣдинъ чьтетъ. **В зло зла зьлѣ к жена зьла!**» — и далее: «**Чьто бо ксть жена? Сѣтъ оутворена и прѣльштажшти челоуѣкы въ сластьхъ свѣтъломь оу-бо лицьмъ, и высокоу выѡ и очима помажшти, ланитама склабаштиса и ѡзыкьмъ****

¹³ Жирмунский В. М. О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 107.

¹⁴ См.: Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // ТОДРЛ. Л, 1974. Т. 28. С. 30—46.

пожци и гласъмь сквернашти, и словесы чароужшти, и ризы повлачашти, и ногама игражшти и дѣлы оубиважшти многы, бо рече, газвивъши погоуби и ве числа соутъ, таже погоуби, тѣмъ же глаголетъ въ доворотѣ женствѣ мнози прѣльштажтѣса, но тѣ того любви, акы огонь възгарактѣса. Что ксть женѣ на земли подобно? Источникъ золовѣ, съкровиште нечистотѣ, съмрътьноносивата бесѣда, очима попльзеник, дүшамъ пагоуба, сердцю лоушта (копье), жнымъ погывѣль, хороугъвъ адова, съпа-дакмо желаник. Что ксть жена? Свалтымъ обложница, покоиште зминно, дыаволь цвѣтть...» (Л. 174—174 об.). Таким образом, все эти приемы: и синтаксический параллелизм, и глагольные рифмы, и членение речи на периоды при помощи риторического вопроса — то призваны акцентировать внимание слушателей на главной мысли, вызвать определенные эмоции у воспринимающих данную речь — инвективу.

Следует также обратить внимание на характер используемых в статьях Изборника сравнений. Они связаны с миром природы, с земледельческим трудом. Например: «...да сице оубо сватни добрымъ человекомъ и благовѣрнымъ звѣзды сѣтъ и спасьници...» (Л. 189—189 об.). «...такоже земли бездѣжда нѣльзѣ класо издрасити, аште и тьмами въсѣкть кто зрна, такоже и дүши нѣльзѣ отъ писани и не напекнѣ быти пръвѣк, аште и тьмами просыпетъ словеса плоднѣ...» (Л. 199). Можно отметить ряд весьма оригинальных сравнений, которые используются для того, чтобы ярче донести основную мысль. Например: «Иже вѣрж правоу имѣа сѣ нарицак, грѣхы же дѣлаа, подобнѣкъ лицу очню не имѣюштоу» (Л. 33).

Особенно богато сравнениями обличительное слово о злых женах: «И оунъ жити въ земли поустѣ или съ женоу газычноу и которивоужы, и акы чрвь въ дрѣвѣ, тако же мѣжа погоубитъ жена злодѣица, и тако же капла изгонатъ человека въ днь слотнѣ (ненастный) отъ хлѣвины свокѣ, тако же и жена газычна отъ хлѣвины кго и тако же оусеразь (серьга) златъ въ ноздрѣхъ свинни, тако же и женѣ злосъмыслнѣ краса. И съборникъ обрѣтаж, рече, горьчакъ паче съмръти женоу, таже ксть ловъ и сѣтъ сердечнаа» (Л. 170).

Говоря об ангеле-хранителе, составитель Изборника прибегает к такому сравнению: «тако же бо и бѣчелы дымъ прогонитъ и голоуби... отъгонитъ зѣлыи смрадъ, тако же и хранителя животоу нашему аггела многосѣьныи и злосмрадъныи грѣхъ отъдалактъ» (Л. 167). Объясняя догмат Троицы, Изборник в 180 гл. приводит отрывок из Блаженного Августина «Оүгүстина отъ ұставьныхъ», который дает следующий образный — «наглядный» пример: «Съмотрнимъ, каа к огньнаа сила: отъ него же присно зара ксть, присно же дымъ, обок бо отъ него раждактѣса, оваче же огньнѣ бес того по нему же обрѣтактѣса, все се трок нетождек коупно же са раждають, каа же ни отъ зара онъ, ни дымъ, нт отъ дыма огонь, ни зара, нъ отъ огна зара и дымъ присно раждактѣса...» (Л. 247).

Таким образом, ряд статей Изборника отличает высокая художественность, проявляющаяся в ритмически организованной речи, в использовании сравнений, образов-символов.

Книги, подобные Изборнику 1073 г., были посвящены толкованию текстов Писания, разъяснению догматов христианского вероучения, пропаганде норм христианской морали и обличению пороков и ересей. Поэтому большое место в них занимает вопросно-ответный диалогический жанр, жанр учительного слова — проповеди (гомилии), слова обличительного (инвективы), слова панегирического и слова эсхатологического.